

Лиса-Лапотница

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

«Хоть бы на один зуб чего перекусить», – думает лисонька. Вот идет она путем-дорогой; лежит ошмёток. «Что же, – думает лиса, – иную пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

– Кто там? – спросил мужик, открывая оконце.

– Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

– У нас и без тебя тесно! – сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

– Что мне, много ли надо? – просила лиса. – Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, – и вся тут.

Сжался старик, пустил лису, а она ему и говорит:

– Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чем не бывало, легла на лавочку, а хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком – глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

– Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь – нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошел, взял курицу и отдал лисе. А лиса еще ломаться стала, курицу не берет и на всю деревню воет, орет о том, как разобидел ее старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью.

А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путем-дорогой.

Идет и песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла -
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, – стучит лиса в избу.

– Кто там? – спросил мужик.

– Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

– У нас и без тебя тесно, ступай дальше, – сказал мужик, захлопнув окно.

– Я вас не потесню, – говорила лиса. – Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, – и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирнехонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил ее к уткам за решетку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решетке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а перышки с косточками зарыла под печью; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать, баба принялась за печь, а мужик пошел скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей – глядь, а курочки как не бывало! Оттуда – сюда, перебрал всех уток: что за диво – курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом причитает:

– Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пестрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

– Отдадим ей уточку да покормим ее на дорогу!

Вот накормили, напоили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идет кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла -
В люди снесла,
Добрыйм людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – стало смеркаться. Завидела она в стороне жилье и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

– Кто там? – спрашивает хозяин.

– Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

– И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

– И-и, куманек, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, – и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра ее уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили ее к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

– Видно, сердечная, умаялась, – сказала баба, влезая на печку. Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусила, ошипала дочиста, съела, а косточки и перышки зарыла под печью; сама же как ни в чем не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит – одна хозяйка в избе.

– Хозяюшка, а где хозяин? – спрашивает лиса. – Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

– Вона, хватилась хозяина! – сказала старуха. – Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

– Так счастливо оставаться, хозяюшка, – сказала, кланяясь, лиса. – Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай ее, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой – глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у нее уточка, невиданная, неслыханная, пестрая впрозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну кланяться лисе:

– Возьми же, матушка Лиса Патрикевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идет да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла –
Добрыйм людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку,
За уточку – гусеночку!

Шла лиса да приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

– Чего надо? – отозвался хозяин.

– Обогрей, родимый, пусти ночевать!

– Негде, и без тебя тесно!

— Я никого не потесню, — отвечала лиса, — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, — и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она сует ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решетку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?» — и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решетке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнет, — вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик все приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и перышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса еще дольше прежнего, — уж хозяин ее будить стал:

— Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

— Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, — сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

— Не почто избу студить, и сама пойду, да наперед свое добро заберу. Давай-ка моего гуся!

— Какого? — спросил хозяин.

— Да того, что я тебе вечер отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

— Принимал, — отвечал хозяин.

— А принимал, так и подай, — пристала лиса.

— Гуся твоего за решеткой нет; поди хоть сама посмотри — одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, – думает он, – будешь ты помнить гуся!»

– Что делать, – говорит он. – Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя и про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялася петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака – да на нее, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в нее, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса…

А лиса с испугу дышит, не отдохнется, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

– Ушки мои, ушки, что вы делали?

– А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

– Глазки мои, глазки, вы что делали?

– А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

– Ножки мои, ножки, что вы делали?

– А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

– Хвостик, хвостик, ты что делал?

– А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

– А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! – сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: – На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

русская народная сказка

Жихарка

Жили-были в избушке кот, петух да маленький человечек — Жихарка.

Кот с петухом на охоту ходили, а Жихарка домовничал: обед варил, стол накрывал, ложки раскладывал.

Раскладывает да приговаривает:

— Это простая ложка — котова, это простая ложка — Петина, а это не простая — точёная, ручка золочёная, — эта Жихаркина. Никому её не отдам.

Вот прослышала лиса, что в избушке Жихарка один хозяйствничает, и захотелось ей Жихаркиного мясца попробовать.

Кот да петух, как уходили на охоту, всегда велели Жихарке двери запирать. Запирал Жихарка двери.

Всё запирал, а один раз и забыл.

Справил Жихарка все дела, обед сварил, стол накрыл, стал ложки раскладывать, а по лестнице — топ-топ-топ — лиса идёт.

Испугался Жихарка, с лавки соскочил, ложку на пол уронил да под печку и залез. А лиса в избушку вошла, глядь туда, глядь сюда: нет Жихарки.

«Постой же, — думает лиса, — ты мне сам скажешь, где сидишь».
Пошла лиса к столу, стала ложки перебирать:
— Эта ложка простая — Петина, эта ложка простая — котова. А эта ложка не простая — точёная, ручка золочёная, — эту я себе возьму.

А Жихарка-то под печкой во весь голос:

— Ай, ай, ай, не бери, тётенька, я не дам!

— Вон ты где, Жихарка!

Подбежала лиса к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула — да в лес. Домой прибежала, печку жарко истопила: хочет Жихарку изжарить да съесть. Взяла лиса лопату.

— Садись, — говорит, — Жихарка.

А Жихарка маленький, да удаленький. На лопату сел, ручки-ножки растопырил — в печку-то и нейдёт.

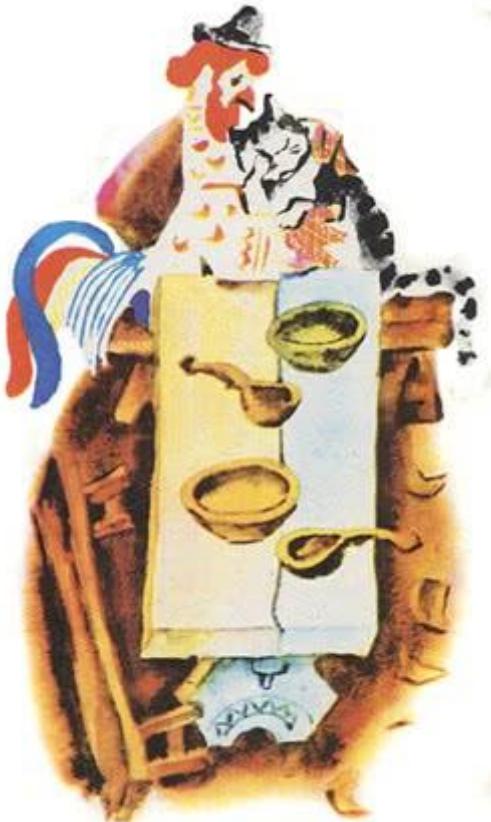
— Не так сидишь, — говорит лиса.

Повернулся Жихарка к печи затылком, ручки-ножки растопырил — в печку-то и нейдёт.

— Да не так, — лиса говорит.

— А ты мне, тётинька, покажи, я ведь не умею.

— Экой ты недогадливый!

Лиса Жихарку с лопаты сбросила, сама на лопату прыг, в кольцо свернулась, лапки спрятала, хвостом накрылась. А Жихарка её толк в печку да заслонкой прикрыл, а сам скорей вон из избы да домой.

А дома-то кот да петух плачут, рыдают:

— Вот ложка простая — котова, вот ложка простая — Петина, а нет ложки точёной, ручки золочёной, да и нет нашего Жихарки, да и нет нашего маленького!

Кот лапкой слёзы утирает, Петя крылышком подбирает.

Вдруг по лесенке — тук-тук-тук.

Жихарка бежит, громким голосом кричит:

— А вот и я! А лиса в печке сжарилась!

Обрадовались кот да петух. Ну Жихарку целовать! Ну Жихарку обнимать!

И сейчас кот, петух и Жихарка в этой избушке живут, нас в гости ждут.

Коза-Дереза

Жили были дед да баба да внученька Маша. Не было у них ни коровки, ни свинки, никакой скотинки — одна коза. Коза, черные глаза, кривая нога, острые рога. Дед эту козу очень любил. Вот раз дед послал бабку козу пасти. Она пасла, пасла и домой погнала.

А дед сел у ворот да и спрашивает:

— Коза моя, коза, чёрные глаза, кривая нога, острые рога, что ты ела, что пила?

— Я не ела, не пила, меня бабка не пасла. Как бежала через мосточек ухватила кленовый листочек, — вот и вся моя еда.

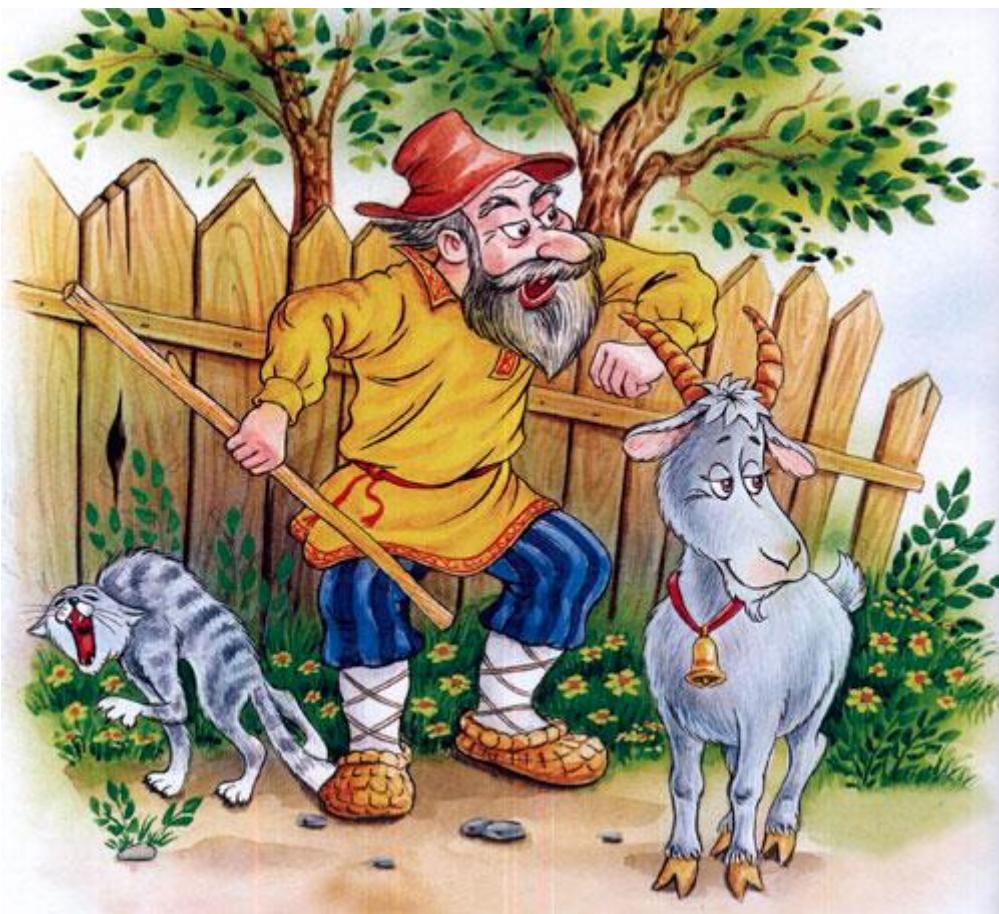
Рассердился дед на бабку, раскричался и послал внучку козу пасти.

Та пасла, пасла и домой пригнала. А дед у ворот сидит и спрашивает:

— Коза моя, коза, чёрные глаза, кривая нога? острые рога, что ты ела, что пила? А коза в ответ:

— Я не ела, я не пила, меня внучка не пасла, как бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек, — вот и вся моя еда.

Рассердился дед на внучку, раскричался, пошёл сам козу пасти.

Пас, пас, досыта накормил и домой погнал. А сам вперёд побежал, сел у ворот да спрашивает:

— Коза моя , коза, чёрные глаза, кривая нога, острые рога, хорошо ли ела, хорошо ли пила?

А коза говорит:

— Я не пила, я не ела, а как бежала через мосточек ухватила кленовый листочек,- вот и вся моя еда!

Рассердился тут дед на обманщицу, схватил ремень, давай её по бокам лупить.

Еле-еле коза вырвалась и побежала в лес.

В лес прибежала да и забралась в зайкину избушку, двери заперла, на печку залезла. А зайка в огороде капусту ел. Пришёл зайка домой — дверь заперта.

Постучал зайка да и говорит:

— Кто мою избушку занимает, кто меня в дом не пускает?

А коза ему отвечает:

— Я коза-дереза пол бока луплена, за три гроша куплена, я как топну — топну ногами, заколю тебя рогами, хвостом замету.

Испугался зайчик, бросился бежать. Спрятался под кустик и плачет, лапкой слёзы вытирает.

Идет мимо серый волк, зубами щёлк.

— О чём ты заинька плачешь, о чём слёзы льёшь?

— Как мне, заиньке, не плакать, как мне серому, не горевать: построил я себе избушку на лесной опушке, а забралась в неё коза-дереза, меня домой не пускает.

— Не горюй, заинька, не горюй серенький, пойдём я её выгоню.

Подошёл серый волк к избушке да как закричит:

— Ступай, коза, с печи, освобождай зайкину избушку!

А коза ему и отвечает:

— Я коза-дереза, пол бока луплена, за три гроша куплена, как выпрыгну, как выскочу, забью ногами, заколю рогами — пойдут клочки по закоулочкам!

Испугался волк и убежал!

Сидит заинька под кустом, плачет, слезы лапкой утирает. Идёт медведь, толстая нога. Кругом деревья, кусты трещат.

— О чём, заинька, плачешь, о чём слёзы льёшь?

— Как мне, заиньке, не плакать, как мне серому, не горевать: построил я избушку на лесной опушке, а забралась ко мне коза-дереза, меня домой не пускает.

— Не горюй, заинька, я её выгоню.

Пошёл к избушке медведь да давай реветь:

— Пошла, коза, с печи, освобождай зайкину избушку!

Коза ему в ответ:

— Как выскочу, да как выпрыгну, как забью ногами, заколю рогами, —
пойдут клочки по закоулочкам!

Испугался медведь и убежал.

Сидит зайка под кустом, пуще прежнего плачет, слёзки лапкой утирает. Кто мне зайчику серенькому поможет? Как мне козу-дерезу выгнать?

Идёт петушок, красный гребешок, в красных сапогах, на ногах шпоры, на плече коса.

— Что ты, заинька, так горько плачешь, что ты серенький, слёзы льёшь?

— Как мне не плакать, как не горевать, построил я избушку, на лесной опушке, забралась туда коза-дереза меня домой не пускает.

— Не горюй, заинька, я её выгоню.

— Я гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, медведь гнал — не выгнал, где тебе,

Петя, выгнать!

— Пойдём посмотрим, может и выгонем!

Пришёл Петя к избушке да как закричит:

— Иду, иду скоро, на ногах шпоры, несу острую косу, козе голову снесу! Ку-ка-ре-ку!

Испугалась коза да как хлопнется с печи! С печи на стол, со стола на пол, да в дверь, да в лес бегом! Только её и видели.

А заинька снова стал жить в своей избушке, на лесной опушке. Морковку жуёт, вам поклон шлёт.

Колосок

Жили-были два мышонка, Крутъ и Верть, да петушок Голосистое Горлышко.

Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись.

А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу. Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Крутъ, Верть, — позвал петушок, — глядите, что я нашёл!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно, — сказал петушок, — я обмолочу.

И принялся за работу. А мышата стали играть в лапту.

Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Крутъ, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил!

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть!

— А кто понесёт? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал Крутъ.

— Только не я! — закричал Верть.

— Ладно, — сказал петушок, — я снесу зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошёл.

А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовёт мышат:

— Сюда, Крутъ, сюда. Верть! Я муку принёс.

Прибежали мышата, смотрят, не нахваляются:

— Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь.

— Кто будет месить? — спросил петушок.

А мышата опять своё:

— Только не я! — запищал Крутъ.

— Только не я! — запищал Верть.

Подумал, подумал петушок и говорит:

— Видно, мне придётся.

Замесил он тесто, натаскал дров, затопил печь. А как печь истопилась, посадил в неё пироги.

Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут.

Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут.

И звать их не пришлось.

— Ох и проголодался я! — пищит Крутъ.

— Ох и есть хочется! — пищит Верть.

И за стол сели.

А петушок им говорит:

— Подождите, подождите! Вы мне сперва скажите, кто нашёл колосок.

— Ты нашёл! — громко закричали мышата.

— А кто колосок обмолотил? — снова спросил петушок.

— Ты обмолотил! — потише сказали оба.

— А кто зерно на мельницу носил?

— Тоже ты, — совсем тихо ответили Крутъ и Верть.

— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пёк?

— Всё ты. Всё ты, — чуть слышно пропищали мышата.

— А вы что делали?

Что сказать в ответ? И сказать нечего. Стали Крутъ и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает.

Не за что таких лодырей и лентяев пирогами угощать!

Русская народная сказка

Заяц-хваста

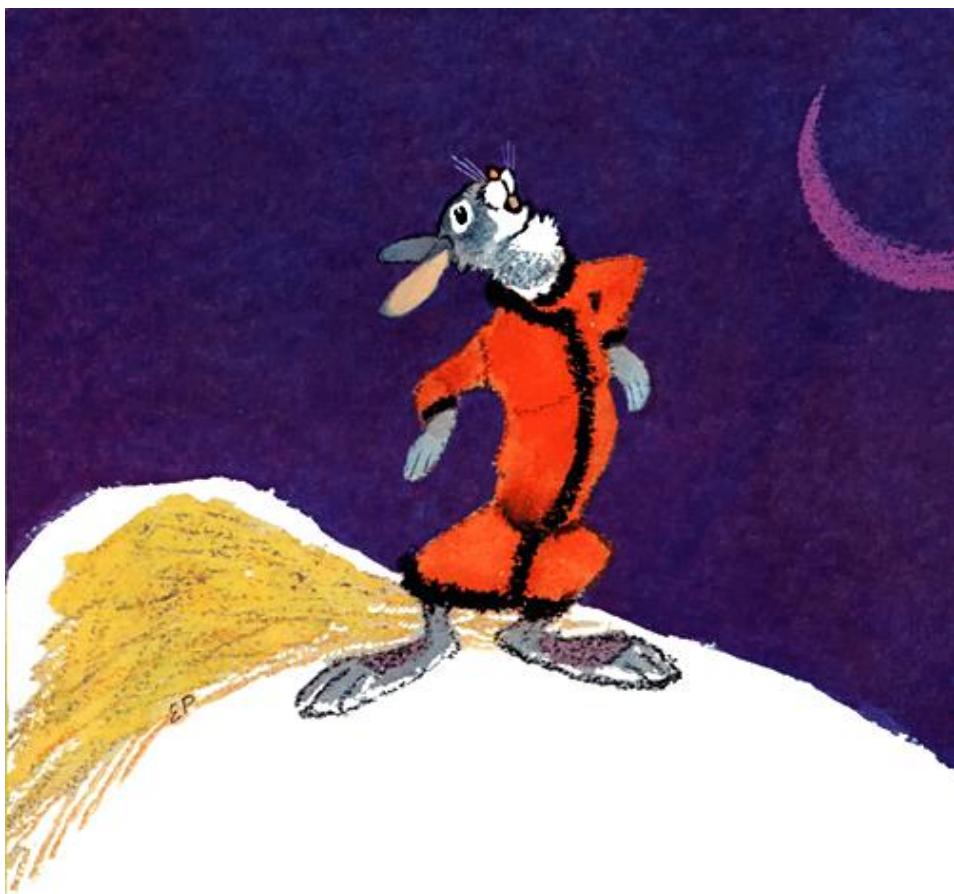
Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить, овёс воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев.

Вот он и начал им хвастать:

— У меня не усы, а усищи, не лапы лапищи, не зубы, а зубищи — я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про эту хвасту. Тетка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокориной. Заяц испугался:

— Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усищи, не лапы лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:
— Более не хвастай!
Раз сидела ворона на заборе, собаки её подхватили и давай мять, а заяц
это увидел.

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел.

Собаки увидали зайца, бросили ворону — да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец, не хваста, а храбрец!

Русская народная сказка

Зимовье зверей

У старика со старухой были бык, баран, свинья, гусь да петух.

Вот старик и говорит старухе:

– А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику.

Услыхал это петух и ночью в лес убежал.

Вечером опять говорит старик старухе:

– Не нашел я петуха, придется нам свинью заколоть!

Услыхала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал-искал свинью – не нашел.

– Придется барана зарезать!

Баран услыхал это и говорит гусю:

– Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!..

Вышел старик на двор – нет ни барана, ни гуся...

– Придется, видно, быка зарезать.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно... Но прошло лето, и пришла зима.

Вот бык пошел к барану:

– Как же, братцы-товарищи? Время приходит студеное – надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

– У меня шуба теплая, я и так перезимую.

Пошел бык к свинье:

– Пойдем, свинья, избу рубить!

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зароюсь в землю и без избы перезимую.

Пошел бык к гусю:

– Гусь, пойдем избу рубить!

– Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь – меня никакой мороз не проймет...

Бык видит: дело плохо. И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная, стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может – и пошел к быку.

– Бэ-э! Бэ-э! Пусти меня в избу!

– Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так перезимуешь.

– А коли не пустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

Немного погодя прибежала свинья.

– Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

– Нет, свинья, я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы – ты в землю зароешься.

– А не пустишь, ярылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

– Ну, заходи.

(А потом пустил гуся и петуха.)

Вот они живут себе – впятером – поживаются. Узнали про это волк и медведь. Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

– Иди ты вперед, ты здоровый.

– Нет, я ленив, ты шустрей меня, ты иди вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел – бык рогами его к стене и припер. Баран разбежался – бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

– Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съесть волка хочу!

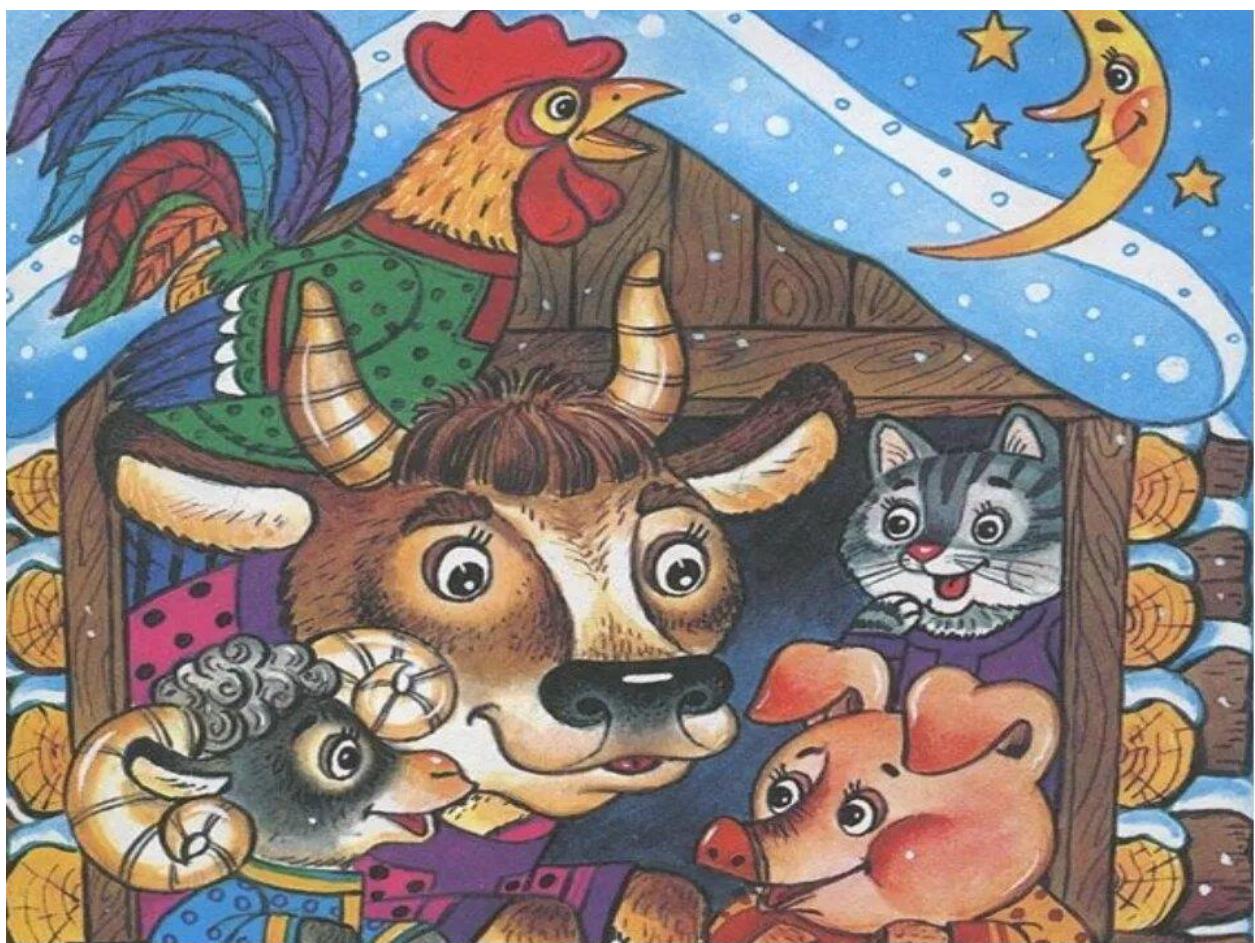
Гусь его за бока щиплет, а петух бегает по брусу да кричит:

– А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножичко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услыхал крик – да бежать. А волк рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

– Как вскочил мужчище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужчишко, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам да все обухом по бокам. А еще поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужчишко, в красненьком халатишке, бегает по брусу да кричит: «Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья еще кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съесть его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили. А бык, баран, гусь, свинья да петух живут там, поживают и горя не знают.

Лисичка-сестричка и серый волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

– Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз.

Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

– Вот будет подарок жене! – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

– Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привез я тебе на шубу!

– Где?

– Там на возу – и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы – и начала ругать мужа:

– Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбку в кучку, уселась на дорогу и кушает себе.

Приходит к ней серый волк:

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуй, братец!

– Дай мне рыбки!

– Налови сам да и кушай.

– Я не умею.

– Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

– Ловись, рыбка, и мала, и велика!

Ловись рыбка, и мала, и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

– Ясни, ясни на небе звезды, Мерзни, мерзни, волчий хвост!

– Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

– То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

– Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащишь!» – думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завида серого:

– Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть, Забралась в

одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

– Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

– Эх, волчику-братику! – говорит лисичка-сестричка. – У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилиу плетусь.

– И то правда, – говорит волк, – где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

– Битый небитого везет. Битый небитого везет!

– Что ты, сестрица, говоришь?

– Я, братец, говорю: «Битый битого везет».

– Так, сестрица, так!

Александр Пушкин

Зима!.. Крестьянин, торжествуя
(отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрываю,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Александ Сергеевич Пушкий

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица

Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Николай Носов

Наш каток

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промёрзла чуть ли не на целый палец, никто не поверил, что уже началась зима. Все думали, что скоро опять развезёт, но мы с Мишкой и Костей решили, что сейчас самое время начинать делать каток. Во дворе у нас был садик не садик, а так, не поймёшь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, и всё это заборчиком огорожено. Мы решили сделать каток в этом садике, потому что зимой клумбы всё равно никому не видны.

Костя сказал:

- Только надо, ребята, сначала получить разрешение у управдома. Иначе и начинать нельзя. Дворничиха всё равно ничего делать не даст.
- А вдруг управдом не позволит? – сказал Мишка. – Летом просили волейбольную площадку устроить – не разрешил, зверь такой!
- Я думаю, разрешит, – сказал Костя. – Дмитрий Савельевич хороший человек. Только с ним надо дипломатично поговорить.
- Это как – дипломатично? – не понял Мишка.
- Ну, значит, вежливо. Взрослые любят, чтобы с ними вежливо разговаривали, а такие слова, как “зверь”, никому не могут понравиться.
- Что ты! – замахал Мишка руками. – Да разве я такие слова когда говорю? Это я ведь за глаза только.
- “За глаза”! – усмехнулся Костя. – Ты в глаза ещё и не такое скажешь! Я тебя хорошо изучил. Вот придём в домоуправление, так ты уж лучше молчи, я сам поговорю с управдомом как надо.

Мишка говорит:

- Ладно.

Мы тут же отправились в домоуправление. На наше счастье, управдом оказался на месте. Он сидел за столом, заваленным ворохом разных бумажек. Посреди этого вороха лежала тетрадка. Левой рукой управдом водил по цифрам, которые были в тетрадке, а правой что-то записывал.

- Здравствуйте, Дмитрий Савельевич, – сказал Костя вежливо.

– Здравствуй, дружок, здравствуй! – Управдом даже не обратил на нас внимания и продолжал водить пальцем по цифрам.

– Мы к вам, Дмитрий Савельевич.

– Вижу, дружок, вижу. Зачем пришли?

– Хотим немножко поговорить с вами, – продолжал Костя.

– Ну, говори, говори.

– Хотим спросить у вас.

– Спрашивай, спрашивай.

– Мы хотим спросить у вас, Дмитрий Савельевич, одну вещь: скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас какую-нибудь спортивную работу?

– Какую это спортивную работу? – спросил Дмитрий Савельевич и, прижав пальцем цифру в тетрадке, посмотрел на нас поверх очков.

– Ну, как управдом вы должны вести у нас спортивную работу.

Дмитрий Савельевич поставил карандашом отметку возле прижатой цифры, провёл по голове рукой, будто хотел причесать волосы, и сказал:

– То есть, по-моему, это вы... Вы сами должны вести спортивную работу.

– Мы это понимаем, – ответил Костя. – Мы сами должны вести спортивную работу. А вот вы нам помогать будете?

Управдом наклонил набок голову, развёл над столом руками:

– А что вы хотите сделать?

– Мы хотим устроить каток на зиму.

– А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Костя рассказал, что мы хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтобы можно было кататься при свете.

Управдом одобрил наш план. Он заметно повеселел, так как сначала испугался и подумал, что мы хотим заставить его самого вести спортивную работу, но, увидев, что от него ничего такого не требуется, сказал:

– Действуйте, ребятки, а если что понадобится, приходите ко мне.

– Вот что значит дипломатический разговор! – сказал Мишка, когда мы вышли от управдома. – Ты молодец, Костя. Я теперь тоже так буду.

После этого мы сорганизовали ребят и сказали, что, кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Кто-то из ребят придумал разломать с одной стороны заборчик и отнести его шагов на десять в сторону, чтобы каток получился шире.

Всё у нас шло очень ловко и хорошо, но только до тех пор, пока нашу работу не заметила Лёлькина мама.

– Это что у вас за строительство? – спросила она. – Зачем разоряете садик?

Мы с Костей стали объяснять ей, что здесь будет каток.

– Ну каток, – говорит она. – А зачем же клумбы уничтожать? Делайте себе каток вокруг клумб.

Мы с Костей хотели объяснить ей всё вежливо, но тут в дело вмешался Мишка.

– Как же вокруг клумб кататься? – с презрением на лице сказал он. – Разве вы не видите, что они четырёхугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой?

– Я-то своей головой всё понимаю, – ответила Лёлькина мама. – А вот ты, видно, не понимаешь. Вот пойду скажу управдому, что вы здесь затеяли.

– Ха-ха! – сказал Мишка. – Идите. И скажите. И посмотрим, что вам управдом скажет.

От управдома Лёлькина мама вернулась злая-презлая. Видно, он объяснил ей, что разрешил нам делать каток. Она больше ничего не сказала нам, но вместо этого стала говорить всем жильцам, что теперь маленьkim детям даже погулять будет негде, и Григорию Кузьмичу из пятой квартиры наябедничала, что мы перенесли заборчик и теперь он не сможет выехать из гаража на своей автомашине. Григорий Кузьмич моментально из дома выскочил и стал требовать, чтобы мы перенесли заборчик обратно. Мы с Костей вежливо начали объяснять ему, что машина проедет, но тут снова вмешался Мишка.

– Смотрите, – закричал он, – сколько здесь для проезда места осталось! Разве вы не понимаете, что машина очень свободно проедет? Должна же у вас голова хоть немного соображать!

Услышав такую грубоcть, Григорий Кузьмич страшно рассердился, привёл управдома и стал доказывать, что заборчик надо поставить на место, а управдом стал доказывать, что заборчик может и здесь стоять. Кончилось тем, что они поссорились и Григорий Кузьмич побежал писать на управдома жалобу, а управдом сказал нам:

– Имейте в виду, больше я ни с кем из-за вас ругаться не стану. Если ещё хоть кто-нибудь на вас пожалуется, запрещу делать каток!

– Это всё ты виноват! – сказал Костя Мишке. – И что ты всё лезешь со своими грубоcтями? Не можешь говорить дипломатично – молчи!

– Я ведь дипломатично, – ответил Мишка.

В общем, из-за Мишки мы со всеми жильцами поссорились. Все были недовольны нами и только и делали, что ворчали на нас.

Через несколько дней наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, даже заборчик покрасили и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, лампочку и патрон. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта дома и лежал посреди двора. Мы его врыли в землю, а проводку нам помог сделать дядя Серёжа из девятой квартиры. Такой хороший человек оказался. Мы даже хотели про него написать в газету, но сначала некогда было, а потом как-то забыли.

И вот, когда всё было сделано и наш фонарь готов был засиять над катком ярким светом, в дело вмешалась дворничиха тётя Даша.

– Вот что, ребятушки, – сказала она, – столб вам придётся отдать, потому что на будущее лето он для ремонта понадобится.

Костя принялcя доказывать ей, что столбу мы ничего плохого не сделаем, и в конце концов он, наверное, уговорил бы её, но тут Мишка не выдержал.

– Постой, – говорит, – сейчас я ей всё дипломатически объясню. – Он оттолкнул Костю и давай кричать: – Это что, по-вашему, столб? А для чего, по-вашему, сделали столб? По-вашему, столб сделали, чтоб он, дожидаясь ремонта, целую зиму под снегом гнил? У вас что на плечах, голова или ещё что-нибудь?

Кончилось тем, что тётя Даша рассердилась и побежала в домоуправление.

– Вот видишь, что ты наделал, – сказал Костя. – Управдом ведь предупредил, что больше терпеть не станет. Все ребята на Мишку набросились.

– Из-за тебя, – говорят, – каток запретят! Даром трудились только!

Мишка готов был рвать на себе волосы от досады.

– И как это у меня вырвалось? – убивался он. Вдруг смотрим – тётя Даша обратно бежит, а за ней управдом. Мишка увидел, уцепился руками за столб и как завоет:

– Не отдам столб, не отдам! Я накоплю денег и заплачу вам за него. Целую зиму не буду мороженого есть. Управдом услышал и только рукой махнул.

– Ладно, – говорит, – берите себе этот столб. И ушёл. А тётя Даша увидела, что у неё ничего не вышло, и говорит:

– Хорошо же! Мы ещё поговорим с вами!

И вот потянулись самые тяжёлые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже лёгоночного морозца не было. Снег иногда падал, но тут же таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тёте Даше и стали просить, чтоб она дала нам свой дворнищий шланг, чтобы полить каток из шланга, но она не дала.

Говорит:

– Я вообще против вашего катка. Весной растает, а убирать мне! Все жильцы против катка. Вот мы напишем управдому заявление, чтоб разорил.

Мы говорим:

– Не даёте, мы и без вас польём. Каток замёрзнет, сами придёте к нам кататься.

– И не приду! А замёрзнет, так я его золой посыплю, всё равно никто не будет кататься.

Мы стали таскать воду вёдрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали: сказали, что мы нанесли им грязи. А какая там грязь, когда во дворе никакой грязи не было! Стали мы таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда выгнали. Мы пошли в четвёртую, нас стали и оттуда гнать.

Тут Мишка вспомнил, что у дяди Андрея из двадцатой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Андрей обмывал летом из этого

шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас до конца зимы. Бывают же такие люди на свете! Мы про него тоже решили написать в газету, но потом тоже почему-то забыли. Всё было как-то не до того.

Завладев шлангом, мы пошли на кухню четвёртой квартиры. Там два водопроводных крана.

Мишка сказал:

– Здесь мы никому не помешаем: к одному крану привернём шланг, а из другого пусть жильцы берут воду.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Сначала дело шло хорошо. Струя воды с силой била из шланга и доставала во все уголки площадки. Мишка держал шланг обеими руками и улыбался во всю ширину лица. Струя шипела, трещала, так что у всех становилось радостно на душе. Неожиданно произошла задержка: струя вдруг стала слабее, потом словно увяла и совсем перестала течь.

– Что такое? – удивился Мишка. – Наверно, шланг отскочил от крана.

Прибежали на кухню. Шланг на месте, а вода не течёт. Смотрим – кран закрыт.

– Что за ехидство? – говорит Мишка. – Кому это понадобилось привернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять – стоп! – не течёт вода. Прибегаем на кухню, снова никого нет, а кран привёрнут.

И так несколько раз.

Наконец мы догадались поставить у крана стражу, и только после этого дело пошло на лад. Поздней ночью мы кончили поливать каток, но так и не узнали, кто придумал это озорство с краном.

За ночь вода замёрзла крепко-накрепко. На следующий день состоялось торжественное открытие катка. Все ребята собрались вокруг. Лёд блестел что твоё зеркало. Мишка первый выехал на середину льда.

– Каток объявляю открытым! – закричал он и тут же шлёпнулся.

Все, как по команде, бросились на лёд, и пошло катание. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипением

резали лёд. Катались даже те, которые не строили катка, но мы им не запрещали. Хотелось, чтоб в такой день все были радостные и счастливые.

Даже многие взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. А управдом Дмитрий Савельевич тоже пришёл и сказал:

– Вот куплю себе коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке. Настолько хороший человек оказался, что хотелось написать о нём в газету!

Наш каток был хороший, большой и крепкий. Про него ничего нельзя было сказать плохого. Но скоро катающихся оказалось так много, что всем не хватало места. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка – не пускать на каток, пока не исправит. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать свой дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться.

Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двоечку по русскому языку. Уж очень он увлёкся катанием. После школы он даже не пошёл на каток. Ему стыдно было показывать свой дневник ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тётя Даша смотрела и ласково улыбалась. Она была довольна, что её маленький Шурик играет вместе со старшими ребятами и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик высакивал с катка за бортик, она поднимала его и бросала обратно на лёд.

Вдруг Глебкина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

– Слушайте, где же Миша? – спросила она. – Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, он болен?

– Надо бы проводить его, – сказала Лёлькина мама. Они обе решили пойти проводить Мишку. Я пошёл проводить их. Когда мы пришли. Мишка сидел за столом и делал

уроки.

– Почему же ты, Миша, не катаетесь? – спросила Глебкина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков и сегодня он на каток не пойдёт.

– Ты хороший мальчик, – сказала Глебкина мама. – Это вы хорошее дело придумали – устроить каток. А Лёлькина мама сказала:

– С катком и родителям стало гораздо спокойнее. В прошлую зиму моя Лёлечка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю к чему!

Они поговорили между собой и ушли.

– Вот видишь! – сказал Мишка. – А помнишь, как все нас ругали, говорили – золой засыплют, не давали нам шланг, не давали воды! А теперь сами благодарят. Да ладно, – махнул он рукой. – Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было сильно запущено. Я пошёл домой и занимался до поздней ночи, сделал уроки как следует, а когда всё было выучено, я, вместо того чтоб лечь спать, нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лёд. А среди этих хлопьев кружилась по катку маленькая фигурка. Я присмотрелся получше и увидел, что эта фигурка был просто Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Но это неправда! Первый каток в эту зиму был открыт у нас во дворе. Он начал работать на полторы недели раньше, чем каток на Петровке, только никто не догадался написать об этом в газету.

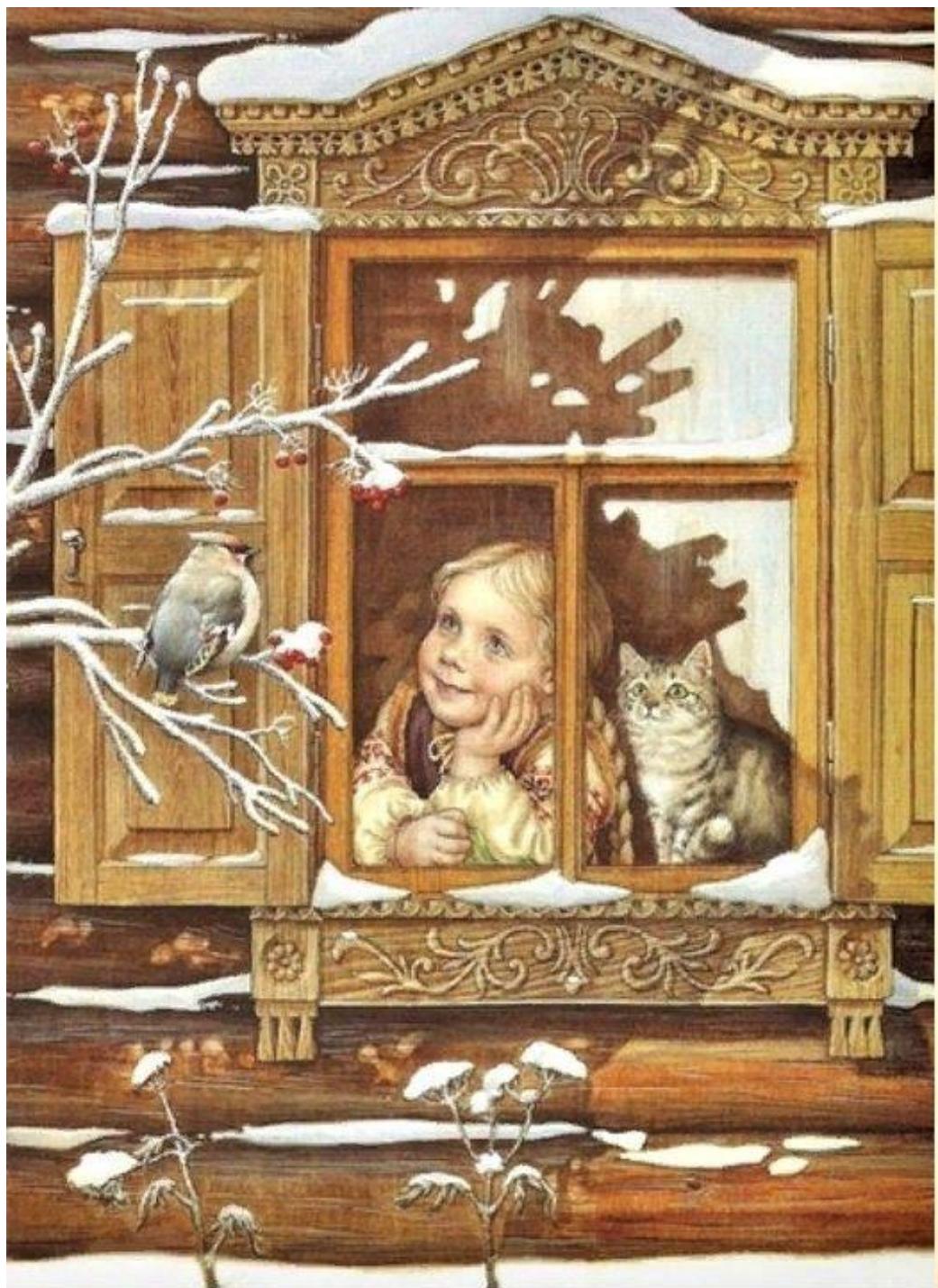
Афанасий Фет

Мама! глянь-ка из окошка...

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

Николай Носов

На горке

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу.

Только к обеду горка была готова. Ребята полили ее водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем, — говорили они, — а горка пока замерзнет. А после обеда мы придем с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся.

Ему ребята кричат, чтоб шел горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, — как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

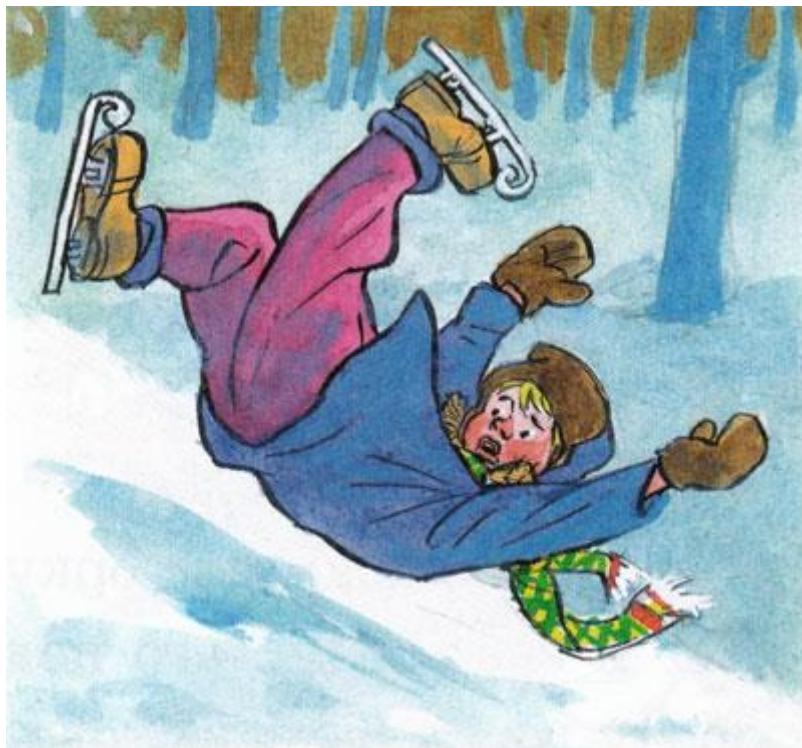
— О, говорит, — хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит. — Скользкая!

Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на нее».

Схватил он фанерку и покатил к дворнице. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет все выше и выше. Взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скажусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут!

Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках. Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на нее взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдет, он засыпет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдет, а нам сегодня надо кататься.

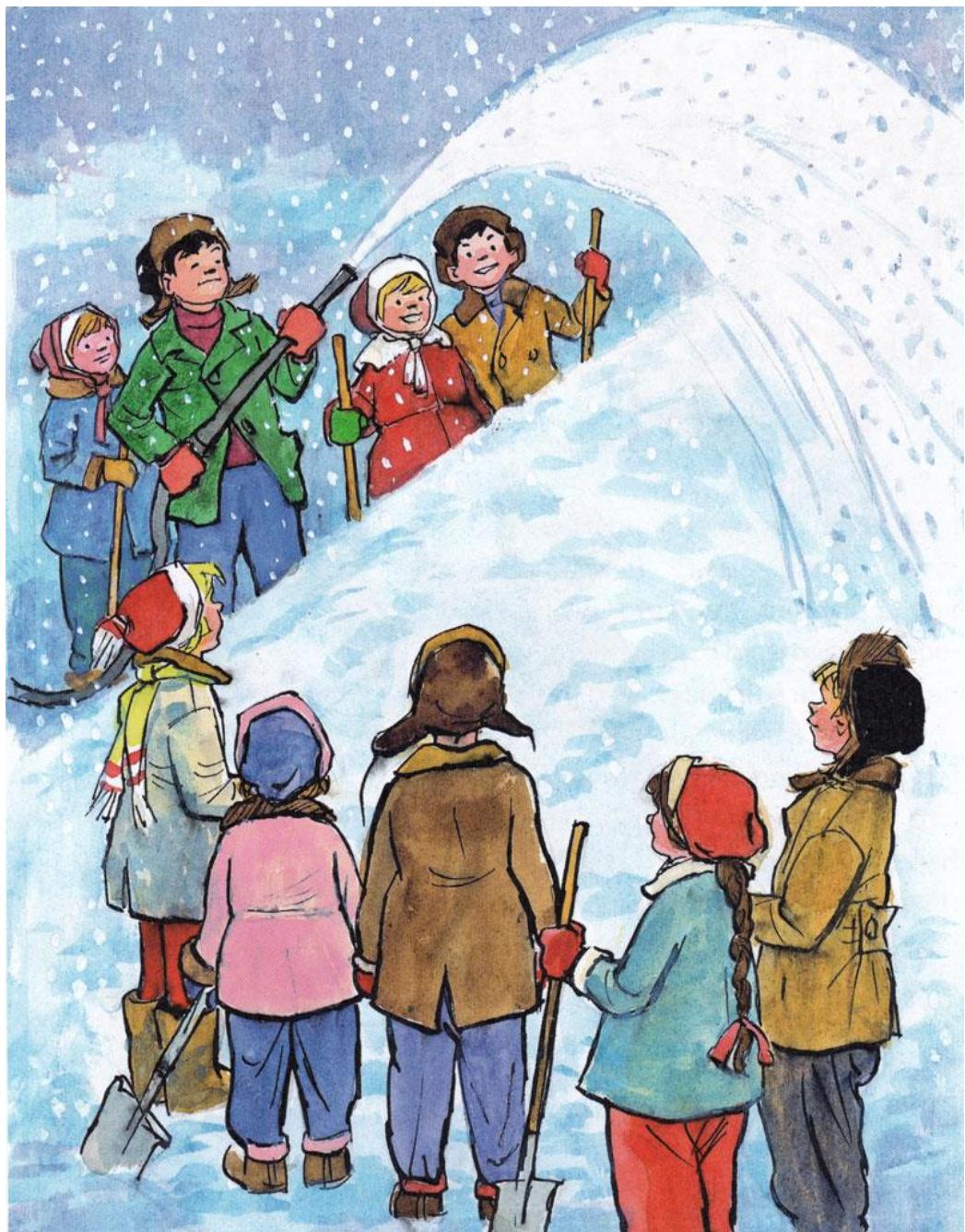
— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь!
Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь, — говорят, — замерзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он еще сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это, — говорит, — чтобы всем было легко взбираться, а то еще кто-нибудь снова песком посыпает!

Одоевский Владимир Федорович

Мороз Иванович

В одном доме жили две девочки: Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка, рано вставала, сама без нянюшки одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодезь за водой ходила. А Ленивица между тем в постельке лежала; уж давно к обедне звонят, а она ёщё всё потягивается: с боку на бок переваливается; уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки»; а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать, сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело; сидит горемычная и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ёщё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыпет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да ёщё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, тут, смотришь, и вечер, – день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодезь за водой, опустила ведро на верёвке, а веревка-то и оборвясь, упало ведро в колодезь. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье, а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй. Сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего делать было; пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну.

Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась – смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт.

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы, яблочки, наливные, созревшие, корнем дерева питались, студёной водой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой — от волос иней сыплется, духом дохнёт — валит густой пар.

— А! — сказал он, — здорово, Рукодельница; спасибо, что ты мне пирожок принесла: давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорил Мороз Иванович, — ты ведерко в мой студенец опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенко перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был изо льду: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут; и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отйдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет Божий не выпускаешь?

— Не выпускаю, потому что ещё не время; ещё трава в силу не вошла. Добрый мужичок её осенью посеял, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы её захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я, — продолжал Мороз Иванович, — и прикрыл молодую зелень мою снежною периной, да еще сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглядит зерно, а зерно мужик соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович. — Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, от того и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угары можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы люди не забывали, что они в тёплой горнице сидят или надевают тёплую шубку, а что есть на свете нищенькие, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы люди нищеньким помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила, бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целые три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка; хорошо ты старика, меня, утешила, но я у тебя в долг не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пятаков; да сверх того, вот тебе, на память, бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола бриллиантик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

*Кукуреку́
У Рукодельницы в ведёрке пятаки!* кукуреки́!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают. Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай: в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пятаков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пятаки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку, да и бух прямо ко дну.

Смотрит: и перед ней печка, а в печке сидит пирожок такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт!

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как же не так! Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы, яблочки, наливные, созревые; корнем дерева питаемся, студёной росой обмываемся; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица, — мне себя утомлять, ручки подымать, за сучья тянуть, успею набрать, как сами попадают!

И прошла Ленивица мимо их. Вот дошла она до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки покусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — за работу деньги следуют; только посмотрим — какова ещё твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изгото́вь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню.

Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть.

Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас, всё по порядку. Вот она думала, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрезала, да чтоб большого труда себе не давать, то, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ёщё квасу подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертицы не подостлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, индо ей стошило; а старик покряхтел, покряхтел, да принял сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила.

А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да ещё спать её уложил.

А Ленивице-то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать: старик добрый, он мне и так задаром пятачков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же была твоя работа? – спросил старишок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

– Да, как же! – отвечала Ленивица, – я ведь у тебя целые три дня жила.

– Знаешь, голубушка, – отвечал старишок, – что я тебе скажу: жить и служить разница, да и работа работе рознь. Заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С сими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку пребольшой бриллиант. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается:

– Вот, – говорит, – что я заработала: не сестре чета, не горсточку пятачков да не маленький бриллиант, а целый слиток серебряный, виши какой тяжёлый, да и бриллиант-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не иное что, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант, а петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукурекў
У Ленивицы в руках ледяная сосулька.

кукурекулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте: что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье, а что намёком. Да и то смекните, что не за всякий труд и добро награда бывает; а бывает награда ненароком, потому что труд и добро сами по себе хороши и ко всякому делу пригодны; так уж Богом устроено. Сами только чужого добра да и труда без награды не оставляйте, а покамест от вас награда – ученье да послушанье.

Меж тем и старого дедушку Иринея не забывайте, а он для вас много рассказней наготовил; дайте только старику о весне с силами да с здоровьем собраться.

